

Местная администрация и «высочайшие путешествия» 1830—1850-х гг. в Смоленской губернии

Наталья Горская

**The local administration and the «highest travels» of the 1830—1850s
in Smolensk province**

Natalia Gorskaya
(*Smolensk State University, Russia*)

DOI: 10.31857/S086956870008270-8

Появления высочайших особ, особенно — императоров и цесаревичей, непременно становились крупным событием в жизни российской провинции. Неудивительно, что путешествия Александра II, как в бытность его наследником, так и после вступления на престол, не раз привлекали внимание и отечественных, и зарубежных историков¹. Но при этом рассматривались преимущественно цели, стоявшие перед носителями верховной власти в поездках, церемонии, связывавшие элиту и народ, их символика и семантика. Гораздо меньше изучены действия местных властей при организации путешествий. Между тем встречи «высочайших путешественников» требовали от администрации серьёзных усилий и во многом отражали специфику взаимодействия центра и регионов империи в середине XIX в.

Обеспечение безопасности и комфорта передвижения было теснейшим образом связано с системой дорожных и почтовых коммуникаций, которой в 1830-е гг. управляли несколько правительственных структур. Почтовому департаменту подчинялись конторы и станции, расположенные на пути, строительство дорог вело Главное управление путей сообщения и публичных зданий, а за исполнение населением повинностей отвечал перед МВД губернатор, не имевший прямой власти над чиновниками других ведомств². При этом раскладка натуральных и денежных земских повинностей (с 1805 г. к ним относились почты, мосты, перевозки, дороги³) осуществлялась под руководством выборного губернского предводителя дворянства, пользовавшегося значительной административной самостоятельностью и нередко находившегося в конфликте с начальником губернии. Денежные повинности вносились затем на специальный счёт в казначействе, которое осуществляло оплату работ.

© 2020 г. Н.И. Горская

¹ Захарова Л.Г. Самодержавие и отмена крепостного права в России. М., 1984. С. 113—114; Захарова Л.Г. Путешествие по России наследника престола цесаревича Александра Николаевича. 1837 год // Венчание с Россией. Переписка великого князя Александра Николаевича с императором Николаем I. 1837 год. М., 1999. С. 5—18; Уортман Р.С. Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии. Т. 2. М., 2004. О путешествиях других монархов и великих князей см.: Романовы в дороге. Путешествия и поездки членов царской семьи по России и за границу. М.; СПб., 2016.

² Середонин С.М. Исторический обзор деятельности Комитета министров. Т. 2. Ч. II. СПб., 1902. С. 67.

³ Лантева Л.Е. Земские учреждения в России. М., 1993. С. 22—23.

В 1830-е гг. шло строительство «правильных» шоссе, покрытых битым камнем. Приступая к их созданию, в Петербурге стремились дать заработок местному населению, облегчить бремя натуральных повинностей и улучшить состояние дорог. В частности, в 1833 г. началось устройство шоссе от Смоленска к Дорогобужу⁴.

22 октября 1830 г. Николай I подписал указ «О новом устройстве почтовой части»⁵ и утвердил «Положение об устройстве почтовой части»⁶. В соответствии с ними с 1 января 1831 г. упразднялись губернские почтамты (кроме Москвы и Петербурга), а «все почтовые места» империи распределялись по 11 округам во главе с почт-инспекторами, которым надлежало дважды в год осматривать подведомственные заведения и тракты на предмет благоустройства, порядка и чистоты в конторах и на станциях, поведения чиновников и почтальонов⁷.

До 1831 г. почтовые станции устраивались и содержались за счёт казны или земских повинностей. Стремясь сократить эти расходы, император попытался переложить их на частных лиц, выпустив 25 октября 1831 г. указ «О заведении вольных почт в России». «Новый промысел для поселян, не требующий ни особых пожертвований и капиталов, ни дальней отлучки хозяев от домов своих», должен был «исподволь» заменить «теперешний наём лошадей» и со временем, «по мере успешного развития», уменьшить «сбор с народа на содержание почтовой гоньбы, составляющий главнейшую статью земских повинностей»⁸. Альтернативная «вольная почта» устраивалась на всех дорогах, кроме соединявшей Москву и Петербург. Станции могли содержать представители всех сословий, включая помещичьих крестьян и почтовых служащих (кроме окружных и губернских начальников и их помощников), допускалось создание товариществ. Содержатели несли ответственность за качество предоставляемых услуг, состояние лошадей, повозок, сбруи и т.д. Им предписывалось нанимать «возчика не малолетнего и не престарелого, трезвого и способного к сей должности». Если «на одной и той же дороге» таких станций не хватало, государству приходилось восполнять недостаток «через отдачу почт с торгов» за счёт земских повинностей. Устройство торгов являлось одной из важнейших обязанностей губернатора⁹.

В первой половине 1830-х гг. постепенно из отдельных указов и распоряжений складывалась и законодательная база, регулировавшая «высочайшие путешествия». В 1836 г. гражданские губернаторы получили право во время проезда царя «нанимать лошадей в добавок к почтовым»¹⁰. Обычно для государственных нужд крестьяне поставляли лошадей бесплатно, «нарядом», «натуральной повинностью». При поездках царя и чиновников прогоны оплачивались за счёт земских повинностей¹¹. В 1825 г. на организацию проезда Александра I в Смоленской губ. было затрачено 3 240 руб. земского сбора¹². Однако со временем

⁴ Середонин С.М. Указ. соч. Т. 2. Ч. II. С. 157—159.

⁵ ПСЗ-II. Т. 5. Отд. II. СПб., 1831. № 4019.

⁶ Там же. № 4020.

⁷ Там же. § 211, 212, 222.

⁸ Там же. Т. 6. Отд. 2. СПб., 1832. № 4889. С. 147.

⁹ Там же. § 1—9, 26. С. 148, 151.

¹⁰ Государственный архив Смоленской области (далее — ГА СО), ф. 1, оп. 1, 1837, д. 27, л. 183 об.

¹¹ Там же, 1839, д. 31, л. 495.

¹² Там же, 1825, д. 15, л. 9.

«высочайшие путешествия» стали приравняться к оплачиваемым поездкам, тогда как «почты и эстафеты» освобождались от платежей¹³. В «Положении о дорожном сборе между С.-Петербургом и Москвой», утверждённом 7 декабря 1838 г., указывалось, что экипажи Императорского двора запрягаются как для проезжающих «на лошадях почтовых по подорожным, так и на лошадях вольнонаёмных передаточных и собственных». Брала за них «как со всех вообще проезжающих отдельно в каких бы то ни было экипажах»: 8 коп. летом и 4 коп. — зимой¹⁴.

К середине 1830-х гг. сложилась отработанная система оплаты труда лиц, обслуживающих поездки особ Императорской фамилии. Ямщикам и содержателям станций выдавались ярлыки, на основании которых затем производились расчёты. Ответственность за выдачу денег возлагалась на губернаторов. Для этого в МВД предоставлялись ведомости «о деньгах, употреблённых на наём лошадей». После согласования с Министерством финансов они через Комитет министров докладывались императору, который распоряжался об отпуске средств¹⁵. Во время своего путешествия в 1835 г. в одной из губерний царь отметил «медлительность в удовлетворении почтовых содержателей». Но порядок отчётности лишь усложнялся: теперь принимались только печатные ярлыки с указанием числа использованных животных и пройденных вёрст, подписывались они тем «чиновником, который выдаёт их ямщикам»¹⁶. Однако несмотря на бюрократические проволочки, частный характер путешествий царя приносил содержателям почт и ямщикам дополнительный заработок.

На Смоленщине, входившей в VI почтовый округ (Витебская, Могилёвская, Смоленская, Черниговская, Полтавская и Киевская губернии, с квартирой окружного инспектора в Чернигове), перевозкой почты и людей занимались губернская почтовая контора, 11 уездных контор и десятки станций¹⁷. Через губернию пролегали тракты, ведущие из столиц в северо-западные и южные губернии, наиболее важный из них шёл на Москву через Дорогобуж, Вязьму и Гжатск. Эту широкую дорогу, окружённую деревьями, устроили ещё при Екатерине II. Она сильно пострадала при нашествии Наполеона, но и в середине XIX в. оставалась важнейшим транзитным путём из центра империи на запад. В 1820—1830-е гг. через губернию проезжали прусские принцы и дипломаты, вел. кн. Константин Павлович, высокопоставленные сановники (гр. А.А. Аракчеев, гр. И.И. Дибич, гр. А.И. Чернышёв, Д.В. Дашков и др.)¹⁸. В сентябре 1825 г. через Поречье — Дорогобуж — Ельню — Рославль проследовал Александр I, направлявшийся в своё последнее путешествие, а несколькими днями позже и императрица Елизавета Алексеевна. Император остался доволен «очень хорошими дорогами»¹⁹. Не раз бывал в губернии и Николай I,

¹³ Там же, 1839, д. 31, л. 412.

¹⁴ Там же, л. 118—119. От платы за проезд по Московскому тракту освобождались местные жители, въезжавшие на шоссе для прогулки; ехавшие на небольшое расстояние; крестьяне, проезжающие между заставами; обозы для войска, ямщики без пассажиров, крестьянские возы с сельскими продуктами и изделиями на продажу; возы и лошади с материалами для ремонта шоссе; прогоняемый рогатый и мелкий скот.

¹⁵ Там же, л. 495.

¹⁶ Там же, 1837, д. 27, л. 246.

¹⁷ ПСЗ-II. Т. 5. Ч. II. Штаты и табели. Приложение к Положению об устройстве почтовой части. С. 53—54.

¹⁸ ГА СО, ф. 1, оп. 1, 1820, д. 20, 21; 1826, д. 20; 1830, д. 1, 16; 1834, д. 1, 2, 3.

¹⁹ Там же, 1825, д. 15, л. 74, 120.

благоволивший к смоленскому дворянству и древнему городу. В мае 1929 г., следуя на коронацию в Варшаву, он принял губернатора Н.И. Хмельницкого, доложившего о бедственном положении губернского центра и уездов, разорённых в 1812 г. В 1830 г. царь повелел сократить повинности местных жителей и выдать на восстановление Смоленска беспроцентную ссуду в 1 млн руб. на 15 лет²⁰.

В июле 1837 г., в ходе своего путешествия²¹ по России, возвращаясь из Сибири в Москву через Смоленск, Брянск, Калугу, Малоярославец и Бородино, губернию посетил наследник престола вел. кн. Александр Николаевич. На Смоленщине он пробыл четыре дня: с вечера 13 июля до субботнего утра 17 июля²². Цесаревича сопровождали воспитатели и наставники В.А. Жуковский, кн. Х.А. Ливен, генерал-адъютант А.А. Кавелин, К.И. Арсеньев, полковники С.А. Юрьевич и В.А. Назимов, друзья, обучавшиеся вместе с великим князем — гр. А.В. Адлерберг и А.В. Паткуль, лейб-медик И.В. Енохин, фельдъегери, камергер, кухня и проч.²³ Согласно инструкции императора, ехали двумя группами. В первой, которая отправлялась с вечера, находились экипажи фельдъегеря, принимавшего лошадей и кучеров на станциях, и камердинера наследника, кухня, Юрьевич и Назимов (отвечавший за денежные дела²⁴). Во второй группе следовали цесаревич и другие его спутники. За ними, через 6 часов, ехал фельдъегерь, оплачивавший прогоны²⁵. Для «издержек по путешествию», включая дорожные расходы, устройство обедов, раздачу денег бедным и т.п., отпускалось 60 тыс. руб.²⁶ Губернские казначейства, судя по отчётам, финансировали поездку из земского сбора²⁷. Николай I предписывал сыну посещать храмы, устраивать в губернских городах небольшие приёмы для местной элиты (губернатор, предводитель дворянства, городской голова, «наиболее выдающиеся» жители «из отставных», командиры расквартированных войск)²⁸, осматривать войска, правительственные учреждения и достопримечательности.

Подготовка к встрече на местах носила беспрецедентный характер. Обычно местные власти к царским визитам готовили только лошадей и дороги, не успевая произвести особых подготовительных мероприятий, поскольку фельдъегерь направлялся к ним за 12 часов до проезда монарха²⁹. В 1837 г. подготовка «по циркулярам» заняла четыре месяца, и ещё столько же времени ушло на переписку между ведомствами по отчётности. Первый циркуляр с указанием маршрута путешествия министр внутренних дел Д.Н. Блудов направил губернаторам 21 марта, но «косвенно» о предстоящем визите наследника престола стало известно ещё в ноябре 1836 г.³⁰

²⁰ Кононов В.А. Смоленские губернаторы. 1711—1917 гг. Смоленск, 2004. С. 211.

²¹ Оно проходило со 2 мая по 12 декабря 1837 г. За это время цесаревич и его свита преодолели 20 тыс. вёрст и всюду встречали торжественный приём. Подробнее см.: Захарова Л.Г. Путешествие по России... С. 5, 9, 14.

²² Захарова Л.Г. Путешествие по России... С. 9; Венчание с Россией... С. 91, 95.

²³ Захарова Л.Г. Путешествие по России... С. 8.

²⁴ Венчание с Россией... С. 89.

²⁵ Там же. С. 23.

²⁶ Захарова Л.Г. Путешествие по России... С. 8; Венчание с Россией... С. 24.

²⁷ ГА СО, ф. 1, оп. 1, 1837, д. 27, л. 246—246 об.

²⁸ Венчание с Россией... С. 22.

²⁹ ГА СО, ф. 1, оп. 1, 1837, д. 27, л. 297.

³⁰ Там же, л. 124, 145.

В движение пришёл весь местный административный аппарат от белорусского генерал-губернатора П.Н. Дьякова до станционных смотрителей, основная нагрузка пала на уездных исправников и городничих. Смоленский губернатор Н.И. Хмельницкий «без проволочек» и «исправно» выполнял указания, поступавшие (иногда минуя генерал-губернатора) из МВД, Почтового департамента, Главного управления путей сообщения. Они касались маршрута и расписания проезда, количества и качества лошадей, профессиональных и нравственных достоинств ямщиков и фореиторов, чистоты станций, подготовки квартир и т.п. В соответствии с «Общей инструкцией», составленной Николаем I, МВД специальным циркуляром требовало, «чтобы нигде на дороге никто из начальников не встречал и не сопровождал» цесаревича, губернаторам следовало ожидать его с докладом только на приготовленных квартирах³¹. Тогда же в министерстве решили для ознакомления великого князя с экономическим положением посещаемых им губерний использовать опыт первой мануфактурной выставки, прошедшей в Смоленске 23 января 1836 г. В конце августа — начале сентября из Петербурга разослали циркуляры, а затем и «Общий план губернских выставок», которые предстояло устроить «по примеру смоленской»³². В Калуге и некоторых других городах вел. кн. Александр Николаевич с удовольствием осматривал подобные экспозиции³³, но в Смоленске он оставил её без внимания, поскольку его больше интересовали места сражений 1812 г.³⁴

Труднее всего местной администрации было обеспечить высоких гостей лошадьми и своевременно завершить ремонт дорог. Цесаревич и его свита следовали по трём трактам губернии (Калужскому, Смоленскому, Малороссийскому — из Юхнова через Климов завод, Вязьму, Дорогобуж, Смоленск и Рославль с ночлегами в Вязьме и Смоленске). На каждой из 20 станций, находившихся на этом пути, выставлялись 57 почтовых (27 для каждой группы проезжающих и 3 для фельдъегеря) и 27 запасных лошадей, «в хомутах... подле жердей, воткнутых в землю с означением на оных нумеров, для которых каждый шестерик приготовлен»³⁵. Таким образом, предстояло отыскать не менее 1 140 почтовых и 540 запасных лошадей, в то время как на всех 40 станциях смоленских трактов в 1837 г. насчитывалось лишь 400 лошадей и 107 ямщиков³⁶. Необходимое количество голов имелось только на Вяземской и Семлевской станциях³⁷. С апреля исправники перегоняли почтовых лошадей в нужные пункты, где их надлежало держать свежими (учитывалось количество вёрст, пройденных ранее), подыскав ямщиков и фореиторов, которым выдавались специальные

³¹ Там же, л. 126; Венчание с Россией... С. 23.

³² Будаев Д.И., Левитин М.Н. Неизвестное об известных. Смоленск, 2003. С. 80.

³³ Венчание с Россией... С. 90.

³⁴ Он осмотрел поле боя под Вязьмой, под Красным («ничтожном городишке»), при Валутиной горе и в самом Смоленске (Венчание с Россией... С. 93—94). При этом его сопровождал белорусский генерал-губернатор П.Н. Дьяков, «участник войны 1812 года, да несколько провожатых из старожилов, очевидцев бессмертных событий» (Татищев С.С. Император Александр II. Его жизнь и царствование. М., 2006. С. 71).

³⁵ ГА СО, ф. 1, оп. 1, 1837, д. 21, л. 3—3 об, 21. Запасные обеспечивали быструю езду (17—26 вёрст в час, что соответствовало расстоянию между почтовыми станциями) «на случай дурной дороги». Такой скорости даже опытные ямщики достигали только при благоприятных условиях (Там же, л. 26).

³⁶ Там же, д. 23, л. 3—3 об.

³⁷ Там же, д. 10, л. 9.

временные ярлыки³⁸. Больше всего их прибыло из Гжатского уезда, откуда в Юхнов (за 63 версты) направили 20 ямщиков и 53 лошади³⁹. Недостающих животных нанимали у местных владельцев, отбирая наиболее сильных и выносливых. Так, с почтовой станции Дрозжино Смоленского уезда капитану Энгельгардту вернули 20 «негодных» (малорослых и тощих) кляч⁴⁰. При этом в экипаж наследника разрешалось впрягать исключительно «лошадей почтовых, обезженных и смирных, которые бы не боялись... ехать ночью с факелами». Обывательскими он мог пользоваться только при посещении памятных мест, когда передвигался верхом, и то лишь при отсутствии казачих⁴¹.

В результате со всей губернии собрали для высочайшего путешествия более 2 тыс. лошадей: 1 140 почтовых и 997 запасных. Тем самым на 20 станциях сосредоточили весь наличный «подвижной состав», оголив ещё 20. Во избежание остановок движения на них направлялись обывательские лошади, поступавшие «по наряду», который составляли земские суды и уездные предводители, отвечавшие за исполнение дорожной повинности⁴². Однако и это не помогло достичь обычного уровня обеспечения (10 лошадей на станцию): для замены «реквизированных» удалось получить всего 145 животных⁴³.

Одновременно шёл осмотр станций и осуществлялась проверка пригодности их служащих. Там, где не хватало смотрителей, их заменяли «чиновники от земской полиции». Приводились в порядок помещения, перед воротами устанавливались фонари на случай передвижения наследника престола в тёмное время⁴⁴. Особое внимание уделялось тому, чтобы избежать его столкновения с больными «прилипчивыми болезнями», поскольку эпидемии холеры, оспы, дифтерии случались тогда постоянно. По распоряжению Медицинского департамента МВД губернская врачебная управа и уездные врачи «при содействии полиции» специально обследовали здоровье населения в тех местах, через которые «его высочеству проезжать угодно»⁴⁵.

Однако в Петербурге прекрасно понимали, что успех путешествия во многом зависел от погоды и даже отложили на несколько дней выезд из столицы из-за «плохих дорог» (первоначально предполагалось, что великий князь будет в Смоленской губ. 7—11 июля)⁴⁶. Передвижение по почтовым трактам, не имевшим специального покрытия, в летнее время осложнялось большим количеством переправ. Когда в Рославльском уезде в конце июня прошли сильные дожди, уездный исправник Трембицкий, обеспокоенный тем, что «гати и мосты пришли в негодность», лично руководил их ремонтом, передав заботу об усилении станций лошадьми земскому заседателю кн. Друцкому-Соколинскому⁴⁷. По распоряжению губернатора на пути следования цесаревича менялись и красились пограничные и верстовые столбы, перила мостов, шлагбаумы.

³⁸ Там же, л. 1—7.

³⁹ Там же, л. 15.

⁴⁰ Там же, д. 21, л. 176 об. Характерно, что после проезда наследника не оказалось покалеченных или больных животных. Лишь в двух имениях Дорогобужского уезда была обнаружена «парша и краснота на 25 лошадях, командированных начальством» (Там же, д. 26, л. 83 об.).

⁴¹ Там же, д. 21, л. 70—70 об.

⁴² Там же, л. 49 об.

⁴³ Там же, д. 10, л. 17, 25, 28.

⁴⁴ Там же, д. 21, л. 84 об., 98.

⁴⁵ Там же, л. 46.

⁴⁶ Там же, л. 3—3 об., 11, 24, 25, 40.

⁴⁷ Там же, д. 10, л. 18 об.

К этому привлекались как крестьяне, так и специально нанятые мастера и рабочие. Помещиков, обновлявших дорожные сооружения своих имений, дорогобужский исправник просил не торопиться, чтобы к приезду великого князя краска не поблекла⁴⁸.

Для ночлега вел. кн. Александра Николаевича готовили «городнический дом» в Вязьме, дом губернатора в Смоленске и частный дом купца М. Рокочевского в Рославле, отремонтированный владельцем. Вяземская городская дума выделила городскому архитектору 250 руб. на ремонтные работы и наём мастеровых и «1 200 рублей на отделку и на покупку тех вещей, которых в Вязьме не имеется»⁴⁹.

Таким образом, несмотря на известное увеличение натуральных повинностей, местные жители получили дополнительные заработки. 8 марта 1838 г. «на удовлетворение ямщиков Смоленской губернии» уездные казначейства отпустили исправникам 1 984 руб. 15 коп.⁵⁰ Каждый ямщик получил двойные прогонные — по 36 руб. 23 коп.⁵¹, что составляло почти 18% годового жалования начальника уездной почтовой конторы (200 руб.)⁵². Вяземская городская дума израсходовала на «вознаграждение ямщиков» 65 руб.⁵³ Кроме того, в местах остановки цесаревича городничим или исправникам выдавались деньги для раздачи бедным и караульным. Так, в Вязьме на эти цели было потрачено 1 325 руб.: 10 человек, «избранных от общества», получили по 100 руб., вдова подпоручика Иванова — 25 руб., а 300 руб. было пожаловано «для раздачи беднейшим жителям». Сам вяземский городничий удостоился от царя «бриллиантового перстня». Рославльскому исправнику передали 25 руб. для караульных и 200 руб. для бедных. После Малоярославца Александр заехал с востока в Гжатский уезд, где посетил Колоцкий монастырь и пожертвовал 100 руб. обители и 200 руб. — крестьянам Колоцкой волости⁵⁴.

В городах наследника престола встречали колокольным звоном, иллюминациями, криками «ура», торжественными церковными службами⁵⁵. В Смоленске вел. кн. Александр Николаевич принял просьбу «отставного поручика Палицына, замешанного в событиях 14-ого числа», был расстроен судьбой «несчастных маленьких кантонистов», посетив их больницу⁵⁶, осмотрел острог, ездил «круг стен», гулял в саду, танцевал на балу «в частном доме», обедал с гостями, среди которых, помимо смолян, оказался и проезжавший псковский губернатор⁵⁷.

Накануне приезда великого князя свой пост покинул смоленский гражданский губернатор Хмельницкий — адъютант кн. М.И. Кутузова в 1812 г. и участник заграничных походов, активно занимавшийся подготовкой к торжественной встрече царского сына. Руководя губернией с 1829 г., он постоянно

⁴⁸ Там же, д. 21, л. 34—34 об., 67—68.

⁴⁹ Там же, д. 6, л. 2 об.

⁵⁰ Там же, д. 10, л. 58, 71.

⁵¹ Там же, д. 53, л. 39. На эти деньги в 1837 г. в Гжатском уезде можно было купить 48,5 пудов овса или 21,6 пуда гречневой крупы.

⁵² Там же, д. 23, л. 3.

⁵³ Там же, д. 6, л. 2.

⁵⁴ Там же, д. 21, л. 124, 139, 191—191 об.

⁵⁵ Там же, л. 123.

⁵⁶ Венчание с Россией... С. 93.

⁵⁷ Там же. С. 91—94.

конфликтовал то с комендантом Смоленска Е.Ф. Керном, то с вице-губернатором И.Б. Пестелем, то с губернским предводителем дворянства А.Н. Аничковым⁵⁸. К тому же его подозревали в хищениях при строительстве Смоленского шоссе. По официальным данным, на участок шоссе в 41 версту было назначено 316 тыс. руб., а истрачено — 1 700 тыс. руб.⁵⁹ «Хмельницкий, я слышал, переведён в Архангельск, чему, кажется, он не очень рад, — писал отцу цесаревич 16 июля, — для города он точно много сделал, но дворянство его здесь не любило за его необыкновенную гордость»⁶⁰. Преемником ему назначили архангельского губернатора В.Я. Рославца, но фактически принимал наследника престола в Смоленске Дьяков. Он же контролировал организацию поездок по губернии.

Во время путешествия вел. кн. Александр Николаевич переправлялся на пароме через Угру, встречался с местными жителями. В Климовом заводе под Юхновым ему преподнесла хлеб-соль кн. Юсупова, в Знаменском кн. Шаховская угощала его вишнями, под Смоленском он обедал в селе Ворошилово «в доме коллежской ассесорши Паншиной», на станции Островня ночевал в доме полковника Похвистнева, в котором в своё время останавливался Александр I⁶¹.

По скорости передвижения, комфорту и насыщенности программы осмотрами и встречами путешествия цесаревича по Смоленщине совершилось успешно. Великий князь остался доволен состоянием почтовых трактов и, по словам рославльского исправника, «хвалил дороги и лошадей», говоря, что по губернии «проехали — хорошо, а по Рославльскому уезду — отлично». Только генерал-адъютант Кавелин сделал замечание, что «шламбаум у Смоленской заставы с правой стороны несколько низок»⁶². 3 октября 1837 г. император велел передать недавно вступившему в должность смоленскому губернатору, «чтобы впредь при высочайших путешествиях ни под каким видом приготовлений на станциях не было, без особого на то высочайшего повеления»⁶³. В противном случае такие поездки теряли характер внезапных ревизий.

В сентябре 1839 г. вел. кн. Александр Николаевич второй раз проезжал по территории Смоленской губ., направляясь в Могилёв, Вильно и Витебск «для обозрения западных губерний, не вошедших в маршрут его первого путешествия по России»⁶⁴. Цесаревич проследовал почти тем же маршрутом, что и двумя годами ранее: через Гжатск, Вязьму, Дорогобуж, Смоленск, Красный. Вновь потребовались быстрые лошади, благонадёжные ямщики, хорошие трасы и чистые квартиры⁶⁵. Однако на этот раз подготовка к встрече сводилась, по сути, к дорожным работам. Увеличения количества лошадей на почтовых станциях не требовалось. Новый губернатор — кн. П.И. Трубецкой, часто ревизовавший уездные учреждения, хорошо знал состояние смоленских дорог и мостов. Их починка производилась под руководством чиновников особых

⁵⁸ Кононов В.А. Смоленские губернаторы... С. 203—229; Ермоленко Г.Н., Захаров В.Е. Тени минувших столетий: очерки истории и культуры Смоленского края конца XVIII — первой половины XIX века. Смоленск, 2004. С. 167—174.

⁵⁹ Середонин С.М. Указ. соч. Т. 2. Ч. II. С. 163.

⁶⁰ Венчание с Россией... С. 93.

⁶¹ ГА СО, ф. 1, оп. 1, 1837, д. 21, л. 127, 134 об., 142, 184.

⁶² Там же, л. 139 об., 184 об.

⁶³ Там же, д. 27, л. 297.

⁶⁴ Татищев С.С. Император Александр II... С. 91.

⁶⁵ ГА СО, ф. 1, оп. 1, 1839, д. 14, л. 2—3 об.

поручений, исправников и становых. Численность полиции явно возросла. Путешественники ехали быстро и пересекли губернию менее чем за двое суток — с 17 по 19 сентября⁶⁶.

На ночлег великий князь останавливался в Гжатске, где не побывал в 1837 г., и в Смоленске. В городах устраивались торжественные встречи с иллюминацией, колокольным звоном и криками «ура»⁶⁷. Даже транзитный проезд подобной особы являлся для местных чиновников своеобразной ревизией и стрессом. После того, как высокий гость покидал пределы города и уезда, они испытывали явное облегчение. Так, после его отъезда из Вязьмы городской голова «пригласил чиновников, всё местное городское начальство и почётнейших из граждан в квартиру его императорского высочества и угощал завтраком, в продолжении которого последовали тосты за здоровье императора, императрицы, наследника, всего августейшего дома, начальника губернии, градоначальника, городского общества, хозяина дома и прочих граждан города»⁶⁸. Жители Вязьмы просили губернатора о дозволении напечатать сообщение о посещении их цесаревичем (даже не выходявшим из экипажа) «в ведомостях обеих столиц»⁶⁹.

Почти 20 лет спустя, в сентябре 1858 г., Александр II вновь оказался в Смоленске в ходе поездки по десяти губерниям центральной России⁷⁰. Вместе с ним находились министр императорского двора гр. В.Ф. Адлерберг, управляющий Императорской главной квартирой гр. А.В. Адлерберг, шеф жандармов кн. В.А. Долгоруков и ещё 11 человек, включая лейб-медика Енохина⁷¹.

Летом 1858 г. в губернских дворянских комитетах шли острые споры об условиях освобождения крестьян, а император размышлял о целесообразности создания по всей империи временных генерал-губернаторов «со всеобъемлющей компетенцией» и «неограниченной властью»⁷². В Смоленске — в центре «одной из самых крепостнических губерний»⁷³ — дворянство с тревогой ожидало царя. Губернский дворянский комитет ещё не приступал к работе, хотя «дозволение» на его открытие губернатор Н.А. Ахвердов получил ещё 28 мая 1858 г.⁷⁴

Александр II прибыл ночью 2 сентября. Устроенная ему торжественная встреча превратила, как писали в губернских ведомостях, «осеннюю ночь в фантастический день» и напоминала «спасительную светозарную ночь, канун Светлого Христова Воскресенья»⁷⁵. На следующий день, в 11 часов, он «принимал сословия» и обратился к представителям дворянства с речью, в которой убеждал их взяться за освобождение крепостных «дельно», «чтобы оно было без-

⁶⁶ Там же, л. 3 об., 5—5 об.

⁶⁷ Там же, л. 10—28.

⁶⁸ Там же, л. 28 об.

⁶⁹ Там же, л. 28 об.—29.

⁷⁰ Она продолжалась с 10 августа по 20 сентября 1858 г. Подробнее см.: *Захарова Л.Г.* Самодержавие и отмена крепостного права... С. 113—114.

⁷¹ Смоленские губернские ведомости. 1858. № 36. Отд. 1. Часть неофициальная.

⁷² *Захарова Л.Г.* Самодержавие и отмена крепостного права... С. 101.

⁷³ *Будаев Д.И.* Крестьянская реформа 1861 года в Смоленской губернии. Смоленск, 1967. С. 24. По числу крепостных крестьян (69% всего населения) Смоленская губ. занимала первое место в России.

⁷⁴ ГА СО, ф. 1, оп. 1, д. 477, 1858, л. 2.

⁷⁵ Смоленские губернские ведомости. 1858. № 39. Часть официальная. Б.с.

обидно» как для помещиков, так и для крестьян⁷⁶. В течение дня монарх произвёл смотр войск гарнизона, заложил первый камень в основание нового здания мужской гимназии, посетил сельскохозяйственную выставку, устроенную только что открывшимся Обществом сельского хозяйства. В 5 часов вечера он обедал с губернатором, епископом, предводителем дворянства, вице-губернатором и командиром расквартированной в губернии бригады⁷⁷, затем посетил бал в доме благородного собрания и «в 12 часов ночи отправился в Минск»⁷⁸. Царь явно был недоволен медлительностью смоленского дворянства и действиями губернатора, постоянно враждовавшего с губернским предводителем кн. М.В. Друцким-Соколинским, но не сумевшего склонить дворян к более активному участию в подготовке реформы. Впрочем, вскоре после отъезда царя, 6 сентября, смоленский губернский комитет открыл свои занятия⁷⁹.

В 1858 г. поездка Александра II готовилась на скорую руку. По словам Ахвердова, местная администрация не «имела положительных и твёрдых сведений» о предстоящем визите, хотя ещё 30 апреля министр внутренних дел С.С. Ланской сообщил ему о возможном прибытии императора в сентябре⁸⁰.

За 20 лет в дорожном и почтовом деле произошли изменения: количество станций увеличилось с 40 до 56, на них содержались 1 054 лошади⁸¹. Движение по трактам усиливалось, и они часто нуждались в ремонте. Губернаторы постоянно получали «жалобы на тихую езду, медленное отправление от станций и нерасторопность ямщиков»⁸². Но раздробленность в управлении дорожным и почтовым хозяйством сохранялась, порождая конфликтные ситуации⁸³. Дело осложнялось тем, что император ехал «по обыкновенной грунтовой дороге», старыми трактами. Исправники, городничие и становые поспешно приводили в порядок мосты и дороги, тюремные замки и дома для остановки царя и его свиты⁸⁴.

К 1858 г. заметно изменился характер обслуживания путешественников. После введения Устава о земских повинностях 1851 г. натуральная подводная повинность всё чаще исполнялась «денежным способом»⁸⁵. На станциях появилась «вольная почта». Частные лица брали подряды на обеспечение «царских прогонов», заключая контракты, определявшие размер компенсации за потерю животных. В 1858 г. самое большое их количество (120 на 17 станций) взялся доставить поручик М. Азанчеев, при условии, что за каждую павшую и испорченную лошадь Смоленское уездное казначейство выдаст по 43 руб. серебром⁸⁶.

Император и его свита проследовали через 41 станцию⁸⁷. При этом пало 164 лошади, что обескуражило поставщиков, держателей станций и чиновни-

⁷⁶ Хрущов Д.П. Материалы для истории упразднения крепостного состояния помещичьих крестьян в царствование Александра II. Т. 1. Берлин, 1860. С. 378; Татищев С.С. Император Александр II. С. 266.

⁷⁷ Смоленские губернские ведомости. 1858. № 48. Часть неофициальная.

⁷⁸ Там же. № 39. Часть официальная; ГА СО, ф. 1, оп. 4, д. 512, 1858, л. 4.

⁷⁹ ГА СО, ф. 567, оп. 3, 1858—1859, д. 37, л. 2, 87—88.

⁸⁰ Там же, ф. 1, оп. 4, 1858, д. 59, л. 1.

⁸¹ Там же, д. 490, л. 23.

⁸² Там же, д. 477, л. 12.

⁸³ Там же, 1859, д. 59, л. 36 об.

⁸⁴ Там же, л. 2, 10, 10 об., 28, 33—36 об.

⁸⁵ Там же, 1866, д. 77, л. 1.

⁸⁶ Там же, 1858, д. 109, л. 5 об.

⁸⁷ Там же, д. 490, л. 23—23 об.

ков. До декабря 1859 г. Смоленская палата государственных имуществ рассматривала прошения о возмещении убытков. Уездные казначейства выдали за истребленных животных 6 815 руб. 14 коп. — 2 634 руб. 14 коп. «почтосодержателям» и 4 181 руб. (63%) частным лицам⁸⁸. В губернии на каждую семью приходилось по три лошади⁸⁹. В целом, за «выставленных лошадей» местное казначейство заплатило 26 339 руб.⁹⁰ Губернский почтмейстер, проанализировав причины случившегося, пришёл к выводу, что крестьянских лошадей губила «непривычная... весьма скорая езда, тяжесть экипажей, новая насыпь на дорогах, сделанная за несколько дней до высочайшего проезда на дорогах, песчаная дорога от Дорогобужа до Соловьёва перевоза, а оттоль до г. Красного и далее гористое положение и большие прогоны»⁹¹.

Поездка царя выявила плохое состояние дорог, неэффективность исполнения земских повинностей и деятельности вольных почт, дороговизну перегонов. Не случайно к 1859 г. император убедился в желательности привлечения выборных к заведованию местным хозяйством при сохранении за губернатором лишь административно-полицейской власти и надзора⁹². В 1864 г. дорожное и почтовое дело было передано земским учреждениям. «Высочайшие путешественники» же всё реже появлялись на провинциальных трактах: наступала эпоха железных дорог.

⁸⁸ Там же, л. 22—24 об.

⁸⁹ Там же, д. 477, л. 7.

⁹⁰ Там же, д. 109, л. 59.

⁹¹ Там же, л. 19.

⁹² Морозова Е.Н. У истоков земской реформы. Саратов, 2000. С. 134.